

КАМЕНСКАЯ Галина Валентиновна — д.полит.н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (117997, Россия, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23; stp@imeto.ru)

МИР БЕЗ МОДЕРНА

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформаций либерализма как осевой идеологии Модерна, разрушению идейной и ценностной рамок Модерна, что проявилось в событиях на Украине. Автор ставит вопрос, почему страны Запада поддержали новую власть, несмотря на то что движущей силой переворота стали правые радикалы.

Ключевые слова: либерализм, идеология Модерна, автономия, агональный либерализм

В 2014 г. в Киеве произошел «оранжевый переворот», совершенный руками откровенных радикалов и националистов правого толка. Под лозунгами евроинтеграции к власти пришел режим, который уже весной того же года, называя свои действия «войной с Россией» и «мерами по преодолению террористической угрозы», начал массированные обстрелы городов и поселков востока и юго-востока Украины. Применение тяжелой артиллерии и систем залпового огня против «террористов и сепаратистов» привело к огромным жертвам среди мирного населения Донбасса. Одновременно была ustanовлена социально-экономическая блокада региона, и ситуация на территориях, неизменно признаваемых официальным Киевом неотъемлемой частью Украины, стала близкой к гуманитарной катастрофе. И, казалось бы, шокирующий факт — США и страны ЕС твердо и однозначно встали на сторону новой власти, чьей идеологией выступала открытая героизация пособников нацизма. Более того, весь характер проводимых Киевом военных операций со всей определенностью доказывал, что речь не только на словах, но и на деле идет не о борьбе с «террористами и сепаратистами», а о целенаправленном уничтожении «омоскаленного» населения Украины, т.е. о прямом следовании идеям С. Бандеры и Р. Шухевича.

В этих условиях Запад жестко и последовательно поддержал Киев всей мощью информационных ресурсов, целой системой политических и экономических мер, фактически не скрывая с самого начала свою роль в организации Майдана и активно участвуя в управлении политическими процессами на Украине, включая решение вопросов, касающихся ключевых кадровых назначений. Окончательно оформляя стратегическую новизну ситуации «после Майдана», в конце 2014 г., во время знакового голосования в комитете по социальным и гуманитарным вопросам и на последующем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН США, Канада и Украина выступили против принятия резолюции, осуждающей прославление нацизма. Не вызывает сомнений, что консолидированная позиция США и ЕС в конфликте на Украине, их открыто проводимая политика солидарности с неонацистскими силами открывает качественно новый долговременный этап в отношениях России и Запада. Наша страна оказывается перед лицом вызовов, на которые невозможно ответить без понимания глубинных причин выбора, сделанного ведущими западными политиками, без анализа тех процессов внутри основных идеологических систем западного мира, которые вышли на поверхность в 2014 г., заставив многих говорить о новой «холодной войне».

Первым шагом к непростому, но абсолютно необходимому в нынешней ситуации поиску ответа на вопрос о том, что происходит с современным Западом, является обращение к судьбе либерализма — осевой идеологии Модерна, в отношении которой самоопределялись и консерваторы, и социал-демократы. Если попытаться предельно концентрированно сформулировать классическое кредо консерваторов, либералов и социал-демократов, то оно может быть выражено следующим образом: «развитие и традиция», «развитие и свобода», «развитие и равенство». Все исторические и страновые варианты трех ведущих идеологий Модерна, по большому счету, различались «удельным весом» этих ценностей и их соотношением, а также

представлениями о способах, средствах и темпах их воплощения в политической и экономической практике. Однако ни консерваторы, ни либералы, ни социалисты не отрицали полностью ни одну из данных ценностей, неизменно оставаясь на «общей территории» идеи свободы. Разумеется, сторонники каждого из идеологических направлений вкладывали свое содержание в понятие свободы, но связь ценностей свободы и развития оставалась неизменной, тем или иным образом сопрягаясь с представлением о предназначении человека и смысле истории.

То, что в идейно-ценностной рамке Модерна, которая удерживалась гуманистической верой в существование благого смысла истории, появились глубокие трещины, в конце XIX – начале XX в. было понятно очень многим. Вторая мировая война и поражение нацистской Германии, как представлялось, если не полностью, то в значительной мере восстановили целостность этой рамки, избавив мир от зримого воплощения радикального и воинственного антигуманизма. Однако уже ко второй половине XX в. выявилось, что разрушение основ Модерна не остановлено и зашло уже очень далеко, затронув даже самые консервативные институты общества. Одним из наиболее убедительных свидетельств продолжения процесса деградации гуманистической классики выступили документы и решения, принятые католической церковью на Втором Ватиканском соборе, открытом в октябре 1962 г. и завершившемся лишь в декабре 1965 г.

Острые дискуссии, которые сопровождали подготовительный этап и все сессии Собора, отнюдь не утихли после его официального закрытия. Среди самых ярких и последовательных критиков решений, принятых на Соборе, а также всего курса папы Павла VI выделялся архиепископ М. Лефевр. В качестве главного пункта своих расхождений с церковными либералами, сторонниками реформирования церкви, смягчения категоричности ее моральных суждений и приближения к «запросам современного общества» он называл несогласие с пониманием ими смысла и цели истории. Согласно решениям Собора, этот смысл состоял в преумножении человеческой свободы и достоинства. В противовес таким суждениям М. Лефевр настаивал, что цель истории трансцендентна, что «свобода существует, чтобы повиноваться Богу, она – в зависимости от истины, в зависимости от добра, в зависимости от Бога. Но нет, из свободы хотят сделать нечто абсолютное – безотносительно чего бы то ни было» [Лефевр 2007: 16]. Ирония ситуации состояла в том, что представители классического либерализма, воспринимавшиеся архиепископом как непримиримые враги католической церкви, наравне с современными ему либералами в самой церкви и вне нее полностью разделяли его идейный и моральный пафос. Как и церковные консерваторы второй половины XX в., классики либеральной мысли также исходили из тезиса о трансцендентной природе цели истории. В основе теории естественного права лежала аксиома, согласно которой права и свободы человека в сфере светской деятельности имеют своим высшим моральным основанием его обязанности по отношению к Творцу.

Убедиться в обоснованности данного утверждения позволяет обращение к той исходной точке, от которой ведет свой отсчет либеральная идеология как таковая, к смысловому ядру, определившему ее качественную специфику. В качестве такой отправной точки в истории либеральной мысли, несомненно, выступает концепция Т. Гоббса. Она, в свою очередь, также имеет свой смысловой центр: идею интеллектуальной автономии человека – «естественного индивида». Иными словами, суть либеральной идеологии в ее классическом варианте составляет принцип интеллектуальной и нравственной автономии индивида, опирающейся на прямое, без каких-либо посредствующих институтов обращение человека к трансцендентному источнику моральных и рациональных истин. А это предполагает существование единственного источника этих истин – иначе интеллектуальная и нравственная автономия человека оказывается принципиально несовместимой с его инстинктом самосохранения, который в концепции Т. Гоббса так же неотделим от природы человека, как и его «правый разум».

Ход рассуждений здесь понятен: заключение общественного договора прекращает «войну всех против всех», обеспечивая индивидам мир и безопасность; гарантом мира и безопасности выступает государство, которое признает нравственную

и интеллектуальную автономию своих подданных. Но без монистического источника нравственных и рациональных суждений, без возможности прийти к согласию относительно основных истин и нравственных принципов в обществе вновь начнется «война всех против всех», из которой человека только что вывел инстинкт самосохранения.

Крайне важно зафиксировать, что в концепции Т. Гоббса, как и в классической теории естественного права в целом, источником нравственных и рациональных суждений о мире ни в коей мере не служит сравнительное знание, полученное эмпирическим путем из собственного опыта человека или в результате его социализации в определенной среде. Таким источником выступает истина, которая раскрывается индивиду при обращении к ее трансцендентному источнику. Уверенность в ее существовании решающим образом отличает классический либерализм от его современных версий и интерпретаций. Глубину разрыва, разделяющего классику и либеральную мысль как позднего Модерна, так и периода постмодернизма, отчетливо показывает, например, вывод, сделанный в одной из недавних работ, посвященных сравнительному анализу идеологий. По мнению Д. Шварцмантеля, выражающего практически общепринятую точку зрения современных исследователей, отличительным признаком либерализма является готовность признавать, что «человек должен жить в обществе, толерантном к проявлениям многообразия и даже приветствующем такие проявления, прекрасно понимая, что достичь прогресса можно только путем мирного и толерантного противостояния между различными формами организации жизни. Только следуя различным образом жизни... человек сможет “сравнивать” и выбрать для себя, какой образ жизни подходит именно ему, только при условии, что он никоим образом не будет ограничивать свободу других людей жить так, как они хотят» [Шварцмантель 2009: 93].

«Толерантность к проявлениям многообразия», свобода выбора образа жизни, равноценность всех стилей культуры — эти нормы стали, как их часто называют, «здоровым смыслом» современных западных обществ. Но они вовсе не были таковыми для общества Модерна. «Естественный человек», каким его видел либерализм классического Модерна, не сравнивал альтернативные образы жизни, выбирая наиболее подходящий для себя. Он — и это самое главное — был включен в иную систему связей — вертикальную, в которой и была выстроена его автономия, в то время как современный либерализм видит человека только в системе горизонтальных связей.

Последовательное рассуждение в логике классического либерализма приводит к выводам, полностью отвергнутым либерализмом постмодерна. Достаточно, к примеру, взглянуть на практику толерантности и политкорректности по отношению к различного рода меньшинствам, которая не отвечает взглядам значительных групп населения, но, тем не менее, жестко проводится в странах Запада на государственном уровне. С позиций либеральной классики обвинения в гомофобии или запрет религиозно настроенным людям публично выражать свое осуждение однополых браков и практику передачи подобным парам детей на усыновление видятся подавлением интеллектуальной и нравственной автономии индивида. Ведь у истоков Модерна либерализм со всей определенностью заявил, что изменить свое мнение под давлением извне человек не в состоянии, и отверг насилие над образом мысли и убеждениями людей, посягательство на их свободу суждения. Следовательно, соблюдение норм политкорректности для большинства или, как минимум, значительной части населения западных стран оборачивается сегодня лицемерием, худшим видом низкого неповиновения власти, о котором с осуждением говорил Т. Гоббс, имея в виду политическую практику современных ему абсолютистских государств.

Итак, подчеркнем еще раз, что самые глубокие изменения, решающие для судьбы современного либерализма как идеологии, связаны с утратой им своего фундамента, своей трансценденции — веры в существование единого источника истины. Без такой веры либерализм вырождается, как и весь проект модерна. Многие представители либеральной мысли и сами задаются роковыми для себя вопросами: «Возможен ли либерализм постпросвещения? Возможна ли форма либеральной

теории и практики, которая отказалась бы от рационалистической и монистической теории морали, а также отвергла бы универсалистскую антропологию и философию истории, являющиеся важнейшими опорами проекта Просвещения? Так формулирует эти вопросы английский теоретик либерализма Дж. Грей [Грей 2003: 138-139]. Ответ, который он дает, пожалуй, можно назвать наиболее интеллектуально последовательным среди множества мнений о состоянии и тенденциях развития современного либерализма. Свой вариант обоснования либеральных идей Дж. Грей называет альтернативным, или агональным, либерализмом, подчеркивая его отличие от всех форм традиционного либерализма. По его словам, альтернативный либерализм, «не обращаясь к требованиям разума как к высшему авторитету, ...считает, что приверженность к либеральным началам обусловлена исторической случайностью и традицией, а не рациональным выбором самого индивида» [Грей 2003: 136-137].

В целом ряде своих работ и выступлений Дж. Грей прямо отрицает «утопические химеры» гуманизма, прогресса и общечеловеческих идеалов, называя их иллюзией и суеверием, доказывает несостоятельность теории права и морали, построенной на кантовской идее трансцендентального субъекта, свободного от эмпирических — партикулярных — различий и ограничений. Поиск же смысла там, где его нет, прежде всего поиск смысла истории, по его словам, является паранойей. И надо особо отметить, что именно такая позиция обеспечивает представителю академической философии, бывшему профессору Лондонской школы экономики внимание со стороны ведущих западных СМИ.

Итак, в своей отправной точке — в концепциях Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Милля — классический либерализм был устремлен к выводу человека из «естественного состояния», из состояния «войны всех против всех» к универсализации категорий общечеловеческого сознания. Он был проникнут гуманистической верой в способность человека стать «прекрасным и благородным объектом созерцания». Так, Дж. Милль формулировал в светской терминологии ту цель, которую религиозные мыслители называли приближением к Творцу. Как констатирует в уже упоминавшейся работе Д. Шварцмантель, в классическом либерализме «требование освободить личность от ненужного деспотического вмешательства со стороны государственной власти было выдвинуто во имя идей свободы и прогресса», во имя высшей цели саморазвития личности [Шварцмантель 2009: 96].

Агональный либерализм имеет противоположный вектор, доходя до прямого отрицания всех усилий по защите смыслов и идеалов, общечеловеческих норм, фактически переступая черту дегуманизации человека. В этой своей версии либерализм готов к союзу с представителями всех форм архаики и неоязычества, включая радикальный национализм, что и показали события на Украине. В их основе лежат не только геополитические или экономические интересы Запада, прежде всего США. Они свидетельствуют о гораздо более фундаментальном идейно-ценностном выборе Запада, окончательно отказывающегося от Модерна. В этом новом мире и предстоит действовать России в обозримой перспективе.

Список литературы

Грей Дж. 2003. *Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности* (пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М.С. Фетисова и др., под общ. ред. Г.В. Каменской). М.: Праксис. 368 с.

Лефевр М. 2007. *Они предали Его. От либерализма к отступничеству* (пер. с фр. М. Заслонова). СПб.: Изд-во «Владимир Даль». 353 с.

Шварцмантель Д. 2009. *Идеология и политика* (пер. с англ.). Харьков: Гуманитарный Центр. 312 с.

KAMENSKAYA Galina Valentinovna, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Leading Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23, Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997; stp@imemo.ru)

WORLD WITHOUT MODERNITY

Abstract. The article is devoted to the transformation of liberalism as the axis ideology of Modernity, the destruction of ideological and values frame of Modernity, which was manifested in the events in Ukraine. The author raises a question, why Western countries supported the new government despite the fact that the driving force behind the coup became right-wing radicals?

Keywords: liberalism, ideology, Modernity, autonomy, agonistic liberalism

БАРАНЕЦ Наталья Григорьевна — д.филос.н., профессор кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; n_baranetz@mail.ru)

ВЕРЕВКИН Андрей Борисович — к.физ.-мат.н., доцент кафедры алгебро-геометрических вычислений Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; a_verevkin@mail.ru)

ГОРШКОВА Анастасия Владимировна — аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42; it@ulsu.ru)

ИДЕОЛОГИЯ И ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. В статье изучается феномен исторической памяти дисциплинарного сообщества. Обозначены механизмы формирования и изменения исторической памяти. На примере современного освещения истории Галилея показано влияние идеологической и доктринальной составляющих в реконструкции истории науки.

Ключевые слова: память научного сообщества, сциентизм, креационизм, эволюционизм, гелиоцентризм, доктрины и идеологии в науке

История науки часто выводит исследователя за пределы отдельных сюжетов, вызывая интерес к более фундаментальным проблемам. Существуют ли закономерности формирования памяти дисциплинарного сообщества? Насколько идеология влияет на реконструкцию событий?

Известно, что исторические исследования могут вызывать разногласия в науке. Причину этого стоит искать в доктринально-идеологическом противостоянии сторон, обостряющемся при покушении на устоявшиеся образы. В трансформации взглядов на прошлое просматриваются поводы и способы манипулирования исторической памятью научного сообщества.

Историческая память научного сообщества — часть его коллективной памяти. Она хранит истории о дисциплинарных открытиях, об их обосновании и принятии; и эти сведения излагаются в энциклопедиях, учебниках и монографиях по истории науки. Историческая память сберегает конвенционально реконструированную историю идей, упорядочивая знания о прошлом дисциплинарного сообщества.

Историки отбирают, актуализируют и объясняют события, направляя размышления общества о своем прошлом. Историческая память дисциплинарного сообщества создается тремя путями: селекцией фактов, приданием этим фактам особой значимости, интерпретацией прошлых событий в связи с текущими потребностями. Временная и пространственная структура памяти дисциплинарного сообщества вариативна и обладает национальными особенностями. Но она хранит общие символы и образы, объединяющие научную группу и обеспечивающие ее ментальное единство.